

УДК 94(470)"1877/1883"

DOI: 10.17223/19988613/48/13

В.Я. Мауль

КАК ПОССОРИЛИСЬ ИВАН ИВАНОВИЧ С ЕГОРОМ ГАВРИЛОВИЧЕМ (ИЗ ИСТОРИИ ЯКУТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ)

На примере ссоры политссыльного малороссийского крестьянина Пискового и жулейского родовича якута Абрамова рассмотрены некоторые особенности якутской политической ссылки начала 1880-х гг. Показано влияние колонизационных идей царского правительства и усиления в стране полицейских репрессий на отношения между коренными жителями Якутской области и сосланными туда государственными преступниками. На основе неопубликованных источников из фондов четырех государственных архивов страны впервые выясняются неизвестные подробности биографии одного из крестьянских вожаков «Чигиринского заговора». Показано взаимовлияние судьбы малозаметного в историческом масштабе человека и больших политических процессов в виде движения революционного народничества.

Ключевые слова: Якутия; политическая ссылка; «Чигиринский заговор»; Киевская губерния; государственные крестьяне; революционное народничество; Жулейский наслег; Батурусский улус; ссора.

В основе статьи лежит, казалось бы, вполне банальный сюжет – ссора, произошедшая в августе 1882 г. между политическим ссыльным малороссиянином Иваном Ивановичем Писковым и родовичем Жулейского наслега Батурусского улуса якутом Егором Гавриловичем Абрамовым¹. Ее непростые коллизии какое-то время были предметом разбирательства в Якутском окружном полицейском управлении и окружном суде. Детонаторами происшествия, как нередко бывает, стали «квартирный вопрос», ревность и алкоголь. Находясь в нетрезвом состоянии, Абрамов заподозрил Пискового, ранее назначенного к нему на постой, в интимных отношениях со своей женой Марфой. 12 августа, сначала как следует отлупив для острастки жену, он решил разобраться с предполагаемым «Дон Жуаном», вздумавшим за нее заступаться. Со слов Пискового, пытаясь ворваться к нему в помещение, Абрамов «начал до того сильно стучать» палкой в дверь, «что от полена кусок отломился, и кричал, угрожая мне за то, что я будто бы скрываю его семейство». Как водится в таких случаях, дело закончилось мордобоем. Абрамов «схватил у дверей моей квартиры громадный кол и <...> ударил меня этим колом по голове так сильно, что я тут же упал без чувств. Сколько раз он ударил меня лежащего – я не помню, но когда я немного пришел в себя и захотел подняться, то почувствовал упадок сил и боль в голове, в правой лопатке и в ногах» [1. Оп. 1. Д. 5098а. Л. 6 об., 16, 16 об., 17].

При всей кажущейся обыденности эпизода, его, меж тем, нельзя свести только к личной неприязни двух взрослых мужчин, не сумевших поделить одну женщину. На поверку, их конфликт имел глубокие социально-политические, экономические и иные корни, выявление и рассмотрение которых является целью нашего исследования.

Пятью годами ранее, в 1877 г., в Киевской губернии, вдалеке от суровых якутских окраин, 44-летний отставной фельдфебель Писковой был вовлечен в «Чи-

гиринский заговор» в среде государственных крестьян, инициированный группой революционеров во главе с Яковом Стефановичем. Провал «хождения в народ» заставил их осознать, что стихию крестьянского бунта можно разжечь лишь при опоре на традиционный монархизм социальных низов. Аксиоматично противопоставлявший «доброе» царя его «злым» слугам, он породил в пореформенной деревне лавину слухов о существовании «милостивого» царского указа, скрываемого чиновниками и господами. На этот ключевой психологический фактор Стефанович с товарищами решили сделать главную ставку [2, 3].

Прикинувшись царскими комиссарами, с помощью подложных грамот от имени венценосца они сумели убедить чигиринцев, что тот якобы повелел создать подпольное общество «Тайная дружина» и добиваться справедливого земельного передела. С этой целью предполагалось восстание «против дворян и других высших сословий для отобрания от них насильно земель, а также для уничтожения повинностей и налогов, установление которых приписывается дворянству». Будучи православными монархистами, более тысячи крестьян, «вошедших в состав преступного сообщества», не усомнились в том, что «комиссары» «действительно посланы к ним от самого Государя Императора, и были убеждены, что, входя в состав “Тайной дружины”, они исполняют тем Высочайшую Волю». Выступление намечалось на праздник Покрова (1 октября). Однако еще на стадии его подготовки самозванческая интрига «южных бунтарей» была разоблачена. Основная масса «дружинников», «удостоверившись в том, что они были жертвою бессовестной эксплуатации со стороны пропагандистов, представили самые точные, полные и чистосердечные объяснения» [4. 1877 г. Д. 262. Ч. 2. Л. 5, 5 об., 7 об.; 5].

Лишь несколько крестьянских вожаков – Михаил Гудзь, Феодосий Заболотный, Филат Лещенко, Феодосий Чепурной, Степан Шутенко и др., словно профес-

сиональные заговорщики, попытались скрыться от преследования. В числе беглецов оказался и Писковой, ранее бывший «деятельным последователем целей сообщества» и не ждавший никакого снисхождения от сильных мира сего. В результате предпринятых полицией энергичных мер 6 июня 1877 г. он был задержан «старшиною и писарем Липовской волости Чигиринского уезда в г. Новогеоргиевске». При аресте раздосадованный Писковой, не сдержав эмоций, сгоряча сразу озвучил свою «программную» позицию – «он почитает Бога и Царя, но что никаких властей знать не желает и повиноваться им не будет» [6. Оп. 1. Д. 477. Л. 69 об., 95 об., 99 об.].

Исправлять впечатление, произведенное искренними, но неосторожно вырвавшимися словами, пришлось уже во время допросов. Оказавшись с глазу на глаз с блюстителем закона, он попытался прибегнуть к социальной мимикрии и сыграть роль простодушного сельского мужичка, не до конца разобравшегося в сложной ситуации. Писковой «признал себя виновным лишь в том, что, будучи введен в заблуждение крестьянами Степаном Шутенко и Лазарем Тененикою, он выполнил тайную присягу, им самим при означенных лицах прочитанную, и поступил в число дружинников, чтобы подать прошение Государю Императору о переделе земли». Не оценив его актерских способностей, вершители правосудия не смогли или не захотели принять очевидную для Пискового и других крестьян логику, что при чтении подразумеваемых царских грамот он увидел «устав печатный и на нем изображено имя Государя», а потому никак «не мог заподозрить обмана или подлога, и поверил, что такова действительно воля Государя» [6. Оп. 1. Д. 477. Л. 75 об., 84 об.].

Вопреки его отчаянным усилиям следствие неопровержимо доказало намного более значительную роль Пискового в делах «Тайной дружины». Помимо прочего, ему обоснованно инкриминировалось, что он лично привел к присяге «на вступление в сообщество весьма многих крестьян» (до 200 человек), а также внушал им необходимость «иметь для каждого оружия и заготовить пики..., и что следует бороться с оружием в руках с чиновниками и дворянами». Признанный судом одним из «главных руководителей сообщества, при том более развитых, нежели прочие соучастники совершенных ими преступлений», Писковой, предварительно отсидевший по тюрьмам почти четыре года, в конечном счете был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири [Там же. Л. 99, 108–108 об., 124].

Неоправданная суровость судебных инстанций, судя по всему, зеркально отразила растерянность правящих кругов, понесших серьезные потери в боях с революционным подпольем. На фоне первоапрельского царевубийства меркли даже такие яркие мишени народного террора 1878–1880 гг., как Н.В. Мезенцов, Д.Н. Кропоткин, Г.Э. Гейкинг, А.Р. Дрентельн, Ф.Ф. Трепов, М.М. Котляревский и др. Озлобленные неудачами, полицейские органы без особого разбора

обрушили шквал репрессий на общество [7]. И хотя сидевшие под арестом чигиринцы были заведомо не причастны к терактам, а убийство помазанника Божия могло лишь ужасать их своим кощунством, пришлось платить по чужим счетам. Таким образом, житель украинского села Мордва Писковой официально зачислялся в разряд государственных преступников и должен был разделить нелегкую участь собратьев по несчастью. Первым делом его перевели из Киева в Мценскую пересыльную тюрьму, которая служила сборным пунктом для отправки каторжан и ссыльнопоселенцев к местам назначения. В тот момент в ней содержались видные революционеры Петр Алексеев, Порфирий Войнаральский, Александр Долгушин, Сергей Ковалик, Ипполит Мышкин и ряд других. Не каждый из них одобрял аморальные методы своих товарищей, использованные в «Чигиринском заговоре» [8]. Общение с такими принципиальными противниками самодержавия позволяло Писковому по-новому задуматься и в ином свете взглянуть на самозванческую авантюру Стефановича, свое участие в ней и на последствия всей этой, как изначально казалось, промонархической затеи.

Именно отсюда, из Мценска, 18 мая 1881 г. начался скорбный путь Пискового через всю страну длиной в несколько месяцев и тысячи километров. В составе партии политических узников, в ножных кандалах и с выбритой половиной головы, он препровождался по маршруту и расписанию, утвержденным главным инспектором пересылки арестантов генерал-майором Н.Н. Гавриловым: Москва–Нижегород–Пермь–Екатеринбург–Тюмень–Томск–Ачинск–Красноярск [9. Оп. 4. Д. 964. Л. 16–22 об.].

В общей группе политссыльных вместе с Писковым находились хорошо знакомые ему крестьянские активисты «Чигиринского заговора» Лазарь Тененик, Кузьма Прудкий и атаман «Тайной дружины» отставной унтер-офицер Ефим Олейник. Неожиданная развязка событий с их участием стала настоящей трагедией для чигиринцев, и им было о чем поговорить «на досуге». В частности, о природе своих бесхитростных заблуждений, поведении на воле и в неволе или же обсудить совместную челобитную, с которой они обращались к «милостивому» монарху еще из стен Киевского тюремного замка в безутешной надежде на высочайшее заступничество за «несчастных своих верноподданных» [10]. Впрочем, первые двое крестьян составляли «компанию» недолгие две недели – до Тюмени, куда добрались 1 июня. А затем по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири Г.В. Мещернинова Тененик и Прудкий были распределены соответственно в города Березов и Туринск Тобольской губернии [11. Л. 508, 516; 12. Л. 2–2 об.]. Оставшаяся часть политических арестантов (кроме трех задержавшихся в Томске по болезни), согласно инструкции главного пересыльного начальства, по прибытии 13 июля в Красноярск поступила в непосредственное ведение генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина. По его

указанию их должны были отправлять «далее на Иркутск и в другие места тем порядком, какой, по местным условиям, признается им более соответствующим и удобным цели исправного доставления преступников по назначению» [9. Оп. 4. Д. 964. Л. 20–20 об.].

В то время как Писковой, оставив Красноярск позади, перемещался по этапу в Иркутск, там уже решила его дальнейшая судьба. Управляющий Иркутской губернией И.К. Педашенко в рамках предоставленных ему прав в «предложении» от 19 августа 1881 г. определил Пискового и Олейника для поселения в местности Якутской области по усмотрению тамошнего губернатора Г.Ф. Черняева, с учреждением на месте их пребывания «надлежащего полицейского надзора на общем основании о ссыльных этой категории». Прибыв 2 ноября в город Якутск, Писковой получил распределение на жительство в Жулейский наслег Батурусского улуса, куда и был отправлен «за надлежащим конвоем» два дня спустя. Решением областных властей его разлучили с последним сколько-нибудь близким человеком – Олейником, причисленным ко 2-му Игидейскому наслегу Батурусского улуса. Поскольку обоим объявили о строжайшем запрете «самовольных отлучек из мест их причисления», между бывшими соратниками снежной стеной пролегли тридцать верст расстояния. Седьмого числа того же месяца, преодолев за полгода несколько тысяч километров трудных дорог, Писковой достиг назначенной цели, где и познакомился со своим домохозяином родо-вием Абрамовым [13. Оп. 15. Д. 61. Л. 3–3 об., 5–5 об., 17–17 об., 23–23 об.; 14. Оп. 1. Д. 19. Л. 51].

Отбывать ссылку предстояло в экстремальных для уроженца Правобережной Украины климатических и бытовых условиях необжитого Севера, где плотность населения даже в самом благополучном Якутском округе была 1 человек на 5,17 квадратных версты, а в Колымском – на 105,6. Из отчета якутского губернатора за 1881 г. можно узнать состав населения области, сложившегося «из различных племен <...> частью пришлых, частью коренных обитателей, которые по своей разрозненности до сих пор не слились в одно целое, а, напротив, сохранили все особенности своего быта, что отразилось не только на внутренней их жизни, но и на внешней». В национальном отношении это были русские, чукчи, тунгусы, но в основном якуты, занимавшие «всю плоскую часть Якутской области». По оценке губернатора, «нет другого племени, которое было бы так мало расположено к общественной жизни, как якуты: они никогда не селятся селами, даже редко можно встретить две, три юрты, стоящие близко друг к другу, и редко до десятка в одной местности; юрты расположены большею частью по опушке леса и отстоят верст на 5 и более, даже за 100 верст одна от другой; причина этого обычая кроется в самом промысле – скотоводстве; каждый якут владеет покосным лугом и селится вблизи его; так как расстояния велики, то якут редко посещает своих соседей» [13. Оп. 1. Д. 2732. Л. 96, 97 об.].

Специфика якутской жизни должна была удручающе действовать на пожилого ссыльного крестьянина, привыкшего к иным хозяйственному укладу и социокультурной реальности. Все здесь было непохожим на общинную организацию родных украинских деревень, где при мягких климатических условиях² «многочисленное сельское население ведомства государственных имуществ» раскинулось «почти непрерывною цепью хуторов и поселков» и было связано между собой «круговым поручительством» при заглавной роли сельского схода и мирского приговора [4. 1875 г. Д. 144. Л. 20 об., 22 об.].

Кроме того, и прежде не знакомый с финансовым достатком и материальным изобилием Писковой и другие ссыльнопоселенцы оказались в Якутии на грани физического выживания. Ежемесячного казенного пособия в размере 6 рублей, по его собственному признанию, «едва-едва хватает на пропитание» [13. Оп. 15. Д. 61. Л. 28]. Но и это вспомоществование поступало нерегулярно и с задержкой. Батуруская инородная управа не раз была тревогу, что подведомственные ей государственные преступники, «не получая выдаваемых им казенных кормовых денег, терпят крайний недостаток в продовольствии себя», поэтому «некоторые из них, в видах таких критических обстоятельств, говорят: “что вынуждены будут уйти в город, чтобы не умереть с голоду и не нищенствовать”» [1. Оп. 20. Д. 28. Л. 69, 81–81 об.].

Имманентная народному сознанию горькая мудрость «до Бога высоко, до царя далеко» приобретала в якутской ссылке прямое семантическое наполнение. Не понимавший уже, кому можно пожаловаться и на что надеяться, Писковой в марте 1882 г. так характеризовал свое «бедственное положение»: «Лишенный, при своих преклонных годах, всякой поддержки и ухода, среди людей, не понимающих по-русски, в 300 верстах от г. Якутска, и не имею возможности, при местных условиях, <...> значительно ухудшивших мое и без того слабое здоровье, – заниматься единственно доступною мне работою, именно сельским хозяйством, каковое можно вести с большим или меньшим успехом только при пособии семейства. Между тем как семейство мое, вследствие громадного расстояния, трудностей дороги и по своей бедности, не в состоянии прибыть ко мне в Якутскую область, в Иркутскую же губернию семейство мое приехало бы, как оно мне это обещало». Писковому, наблюдавшему изо дня в день наводящие уныние якутские пейзажи, Иркутская губерния с ее чуть менее суровым климатом и преобладанием русскоязычного населения теперь казалась буквально землей обетованной. О скорейшем переводе туда он с надеждой ходатайствовал перед вышестоящим начальством. Тяготила и затянувшаяся на годы разлука с семьей, состоявшей из жены Капитолины, трех взрослых (Зиновий, Никита, Ефимия) и шести младших (Иуда, Никифор, Иов, Мария, Матрена, Любовь) детей, о судьбе которых он не мог не тревожиться [13. Оп. 15. Д. 61. Л. 15, 28].

Не самое радужное настроение ссыльнопоселенца едва ли улучшилось известием, что лишь по нелепой

случайности его с товарищем занесло в эти забытые людьми и Богом края. Выяснилось, что, вопреки своему первому волеизъявлению, Педашенко еще в октябре 1881 г. разрешил оставить Пискового и Олейника на поселение в Иркутской губернии. Но, увы, их успели отправить «в прежнее место назначения, Якутскую область, еще до воследования приведенного выше распоряжения». По разъяснению досадного недоразумения обоим было обещано, что если они «пожелают сказанного перевода в Иркутскую губернию и на совершение переезда до места водворения в оной, вместе с конвоем, имеют собственные средства, то к удовлетворению одного желания будет сделано соответствующее распоряжение». Однако от «заманчивой» перспективы пришлось отказаться. Писковой с печалью отметил, что «при всем моем желании перевестись в Иркутскую губернию, я не имею к тому решительно никаких средств» и только «покорнейше прошу, от кого это зависеть будет, перевести меня из Якутской области в Иркутскую губернию, если невозможно на казенный счет в сопровождении жандарма, то этапным порядком под сельским присмотром». Но подобный расклад не устроил уже якутского губернатора Черняева, постановившего, что прошения Пискового и Олейника «о переводе в сказанную губернию» должны быть оставлены в нынешнем «положении, впредь до изыскания ими средств на этот предмет» [13. Л. 21, 26–26 об., 28, 30 об.; Д. 60. Л. 23–23 об., 25–25 об.].

Многое указывает на то, что частые удары судьбы, воспринимавшиеся как нескончаемая череда безвинных испытаний, травматически влияли на нервную систему и психику свободолюбивого крестьянина, провоцируя депрессивное состояние, пессимистический взгляд на происходящее и потерю интереса к привычной деятельности. По сложившимся обстоятельствам их оборотной стороной могла оказываться внезапная раздражительность, способная при малейшей искре взорваться приступом безудержного гнева. Под такую горячую руку, не исключено, не раз попадал жулейский родович Егор Абрамов. По крайней мере, сам он по опыту общения с постояльцем был уверен, что его агрессивное поведение обусловлено «какою-то свирепостью и отчаянным настроением». В свою очередь, Писковой также ставил в вину Абрамову, что за девять с лишним месяцев, проведенных в Жулейском наслеге, «претерпел» от того «много неприятностей». Уверял, что «по возможности сторонился от него, чтобы не вступать с ним в пререкания, могущие и могшие кончиться не совсем мирным образом» [15; 1. Оп. 1. Д. 5098а. Л. 6 об., 16, 16 об.].

Противоречивые, но не взаимоисключающие версии свидетельствуют, что очертания грядущей ссоры постепенно становились все более конкретными и осязаемыми. Видимо, до поры до времени удавалось выплескивать эмоции в мелких придирках и словесных перебранках. Но наконец наступил злополучный день 12 августа, когда скопившаяся деструктивная энергия

вырвалась наружу. В изображении Пискового, жившего с недавних пор «в отдельном помещении», Абрамов «без всякого с моей стороны повода произвел буйство, жертвою которого стал, между прочим, и я». Надо заметить, что факт побоев был подтвержден разбирательством в Жулейском родовом управлении через три дня после драки. В качестве вещественного доказательства фигурировала «лиственничная палка» с обломанным концом, «длиною около 2 аршин и имеющую в обхвате более 3 вершков». Ею, по словам Пискового, «орудовал Абрамов, а последний показывает, что это именно Писковой бил его». Но «запирательство» якута опровергалось телесным осмотром скандалистов. Согласно акту обследования, у Пискового «на голове над левым виском рассечена черепная кожа, длиною около вершка, с значительною опухолью и большим количеством крови на волосах; и на правой лопатке синевица от ушиба». Кроме того, «на полотняной рубашке, на сером суконном пальто и на полотенце, которым обтирался, много пятен засохшей крови». В отличие от избитого Пискового, Егор Абрамов был «по-видимому, совершенно здоров; на коже правой руки незначительная опухоль, на среднем пальце оной поперечная узкая рана, очень незначительная же, больше никаких признаков ушиба нет». Да и одежда его «не представляет ничего особенного» [1. Оп. 1. Д. 5098а. Л. 16, 16 об., 18 об., 19, 19 об.].

Казалось бы, улики неоспоримо указали на Абрамова как главного и единственного бузотера. И тем не менее не будем спешить с возведением всех мыслимых и немыслимых грехов на пьяного и ревнивого драчуна. У него тоже были своя правда, свои субъективные и объективные причины для переживаний и недовольства сложившейся ситуацией. Дело в том, что к 80-м гг. XIX в. реализация колонизационных переселенческих идей царской администрации привела к невиданному ранее наплыву в Якутскую область каторжан и ссыльнопоселенцев, содержание которых тяжелым бременем легло на плечи коренного населения. Согласно официальной статистике, в течение 1880, 1881, 1882 гг. и трех месяцев 1883 г. сюда прибыло соответственно 221, 260, 254 и 267 пересыльных арестантов. Глава Батурусского улуса Павел Протодияконов в рапорте от 4 августа 1883 г. насчитывал на своей территории: «Ссыльных поселенцев с семьями Мужеска 559, Женска 61; Государственных преступников Мужеска 21, Женска 1; Семейства их Мужеска 1, Женска 5 душ» [13. Оп. 1. Д. 2755. Л. 12; Д. 2988. Л. 1].

К сожалению, не каждый из них отличался кротким нравом и таким же поведением. Более того, незнание «туземного языка якутов, усвоенные ими дурные привычки, <...> грубость и безнравственность, все эти дурные качества ссыльных несколько не сближают их с местным населением, а, напротив, отдалают их друг от друга». По сведениям Якутского окружного исправника И.В. Пиневица, все они, будучи «причисляемы в среду иноверцев, положительно не имеют при себе ни

одежды, ни рабочих инструментов и вообще никаких средств к своему личному пропитанию, равно не имеют никаких способностей и ни малейшего желания к какому-либо труду» [13. Д. 2732. Л. 89 об.; Д. 2755. Л. 61–61 об.]. Информация полицейского чиновника находит подтверждение в ежемесячных донесениях Батурусской инородной управы «об образе жизни государственных преступников», включая Писковского и Олейника. Например, в ноябре 1881 г. названные в донесении 13 человек «ведут себя хорошо», но только Загibalов и Гросс заняты производительным трудом, «а прочие ничем, а пропитываются получаемым из казны пособием». Через год (декабрь 1882 г.): из упомянутых 20 ссыльных «Загibalов и Тютчев занимаются хозяйством, а прочие ничем, а пропитываются получаемым из казны пособием». Неутешительная констатация содержится также в донесениях за январь, февраль 1883 г. и позднее [14. Оп. 1. Д. 10. Л. 105 об.; Д. 19. Л. 1 об., 17–18, 35–36].

При таком порядке вещей неудивительно, что не прекращавшаяся приписка доставляла большие неудобства якутам, «у которых затрагивается их имущественный интерес, и происходят громадные расходы всех вообще жителей поголовно». Однако «из опасения, чтобы подобные ссыльные, как ничего не имеющие и не способные ни на что, не решались на пагубства, разбои, грабежи, кражи и другие преступления», инородческие общества «постоянно снабжают их необходимой одеждой и кормят пищей, назначая на постой по очереди в юрты инородцев». По примерным подсчетам, «если бы такая натуральная повинность была переведена на деньги», то ее размер составил бы в месяц около 20 руб. на пропитание каждого из арестантов, зачастую требовавших «с угрозами хлеба, мяса, масла, молока, чаю и проч.», а еще порядка 10–15 руб. на необходимую им одежду. Немало горя местным обывателям доставляли такие безобразные выходки ссыльных, как «изнасилования и оскорбления женской чести», о которых якуты предпочитали умалчивать «по присущему чувству стыдливости и позора в случае оглашения со стороны пострадавшей» [13. Оп. 1. Д. 2755. Л. 61 об., 62, 63 об., 64].

Понятно, что большая часть криминальных эксцессов должна быть отнесена на долю уголовных элементов, которым, за исключением «дряхлах и увечных», вообще не полагалось никакого денежного пособия, но при этом тоже приходилось как-то выживать в якутской неволе. Да и немощным преступникам выдавалось «из экономического поселенческого капитала» всего по 36 руб. 50 коп., т.е. чуть более трех рублей в месяц. К тому же уголовники имели значительный численный перевес над политссыльными. По данным Якутского окружного полицейского управления, в 1882 г. в округ «поступило ссыльных государственных преступников 14 человек, сосланных за обыкновенные преступления 224 чел.». Соотношение по другим годам мало отличалось от вышеуказанного. Тем не менее незавидная

репутация уголовных поселенцев невольно бросала тень на политических арестантов. В любом случае они оказывались для якутов источником материального обременения и, следовательно, повышенной эмоциональной возбудимости. Возникавшие на этой почве трения не носили единичного характера. Среди всех преступлений, совершенных в Якутской области в 1881 г., выяснения отношений путем рукоприкладства занимали третье место, и в дальнейшем ситуация не улучшилась. Областной администрации пришлось разбираться с потоком «частных жалоб, проистекающих от столкновений отдельных лиц, между поселенцами и инородцами» [Там же. Д. 2732. Л. 88, 98; Д. 2755. Л. 64]. Одним из таких типовых случаев следует считать ссору «Ивана Ивановича с Егором Гавриловичем», для которой нашелся вполне основательный житейский предлог, ибо якуты «очень ревнивы, и если муж узнаёт о сожительстве своей жены с другим, то результат бывает очень плачевный для жены; он обыкновенно кончается драками и ссорами, а затем жалобами родовому управлению» [16. С. 16–17].

Задним числом жулейский родович в прошении на имя «всепресветлейшего, державнейшего, великого государя императора», возможно, не без оснований заявлял, что его антагонист, «причисленный в мой Жулейский наслег», «старается предпринять все меры к уничтожению меня» и выражает это стремление «публично, никого не стесняясь». Якобы в ноябре «во время общественного собрания Писковой довольно поздно вкравшись чрез хотон³ в дом родового управления, требовал настойчиво от выборного Батурусской инородной управы Ивана Слышова допустить его ко мне». При этом явно не с самыми добрыми намерениями он «что-то имел в руках, но скрывал». Ссылаясь на всеобщую осведомленность об их «неприятных отношениях», но умалчивая о мотиве мести за жестокое избиение, Абрамов «за достоверное» полагал, что «преступник Писковой решил во что бы то ни стало лишить меня жизни». В связи с чем в декабре 1882 г. всеподданнейше просил подвергнуть «законной ответственности, преследуя его уголовным порядком». 22 февраля 1883 г. в Якутском окружном суде было открыто дело «по прошению якута Батурусского улуса Жулейского наслега Егора Абрамова о намерении лишить его жизни и об обиде, ему нанесенной государственным преступником Иваном Писковым». Однако в силу бюрократической волокиты рассмотрение дела продвигалось неспешными темпами. Только 22 марта последовал указ окружного суда, на основании которого через неделю полицейское управление предписало земскому заседателю 2-го участка Якутского округа Антоновичу произвести формальное следствие. Еще через месяц, 24 апреля, входя в рассмотрение обстоятельств конфликта, Антонович неожиданно обнаружил, что тяжущиеся стороны уже пришли к консенсусу и дали «обоюдную подписку» в том, что дело это они «покончили миром», а впредь обязывались его не воз-

обновлять. Антоновичу не оставалось ничего иного, как, не приступая к производству следствия, все собранные по делу материалы «представить в Якутское окружное полицейское управление, исключив таковое из отчетности по 2-му участку» [1. Оп. 1. Д. 5098а. Л. 6–6 об., 7, 11–11 об., 12–12 об., 24–24 об.].

Найденные архивные документы не сообщают о дальнейших отношениях недоброжелателей. Но в любом случае время взаимных разборок подходило к концу. Вследствие ходатайства якутских властей генерал-губернатор Восточной Сибири «нашел возможным перевести на жительство в Иркутскую губернию <...> в числе прочих государственных преступников Ефима Олейника и Ивана Пискового». На этом основании в середине июля 1883 г. в сопровождении унтер-офицера Карзенникова и рядового Андреева Писковой был отправлен и 14 августа прибыл на поселение в г. Верхоленск, где началась новая страница его непростой биографии [13. Оп. 15. Д. 61. Л. 48а–48а об.; 14. Оп. 1. Д. 19 Л. 145–145 об.].

Что касается наследного родовича Абрамова, то спустя несколько лет он стал фигурантом громкого уголовного процесса. В апреле 1892 г. Якутский окружной суд приговорил его к 11 годам каторжных работ за убийство другого политссыльного – известного революционера Петра Алексева [17].

Подводя итоги, замечу, что ссора ссыльного крестьянина Пискового с жулейским родовичем Абрамовым, насыщенная множеством красочных нюансов, сама по себе достойна научного интереса. Однако проведенное исследование показало, что при всей занимательности сюжета она лишь на первый взгляд выглядит случайным бытовым казусом, приключившимся внутри любовного треугольника. Иначе говоря, пресловутого «cherchez la femme» недостаточно для понимания сути разгоревшегося конфликта, в котором острые субъективные эмоции участников стали подспудным индикатором объективных социально-политических, экономических и иных противоречий общественной жизни.

Искреннее недоумение чигиринцев, выступивших от имени и в поддержку царя и за это же наказанных, переплеталось с усилением правительственных репрес-

сий против революционного движения. Ситуация усугублялась тяготами коренных жителей Якутской области, ставшей центром массового притока ссыльных, чье содержание обременяло местное население. Культурный диссонанс между теми и другими выступил в качестве еще одного катализатора социальной напряженности, выливавшейся в частные противоречия в виде словесных оскорблений, драк, побоев и увечий, превратившихся в достаточно заурядное явление в истории якутской ссылки.

Исправление ситуации, по существу, зависело от готовности или не готовности царской администрации пересмотреть некоторые принципы своей политики, допустим, намерения за счет ссыльных и каторжан (прежде всего, уголовников) увеличить плотность населения и экономическую отдачу региона, о чем тогда шли бурные дебаты на страницах сибирской прессы.

Еще одним умиротворяющим фактором могло бы стать снижение градуса полицейских преследований в противостоянии не на жизнь, а на смерть с революционным лагерем. В пылу изнуряющей борьбы у тех и других нередко утрачивалось чувство меры, и тогда на алтарь вождельной победы порой приносились судьбы случайных и посторонних людей. Но власть предрержащие, озлобленные болезненными ранами, полученными за несколько последних лет, были заражены преимущественно карательными настроениями [18, 19].

Наконец, неоправданно суровые приговоры чигиринским крестьянам (например, Писковому), заставляли тех, отбывая ссылку, размышлять над причинами случившегося и задаваться судьбоносным вопросом, «за что же мы так жестоко наказаны» [20. С. 150]. Выводы, к которым приходили вчерашние верноподданные селяне, опирались на органичную для них религиозно-монархическую «картину мира» и не всегда были в пользу правящего царя и его сановников. Как свидетельствует опыт вернувшихся домой чигиринцев, в долговременной перспективе получилось, что своими необдуманными мерами в борьбе с мифической угрозой в их лице власть сама оттолкнула от себя потенциально надежных союзников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1880-е гг. Якутская область в административном отношении состояла из пяти округов. Они делились на улусы (уезды), а те, в свою очередь, – на наслеги (волости). В Якутском округе было восемь улусов, в том числе Батурусский, в котором насчитывался 31 наслег [13. Оп. 1. Д. 2732. Л. 96]. Родович – «всякий якут, у которого отцы и деды жили на том месте, где и он живет. Не родович – пришлец, приписанный, принятый» [16. С. 23].

² «Климат Киевской губ. умеренный, благоприятный для здоровья человека и животных, удобный для произрастания всех естественных произведений губернии. Средняя температура года летом 16° по Реомюру; зимою 6°» [Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб.: В типогр. Департамента Ген. Штаба, 1848.. Т. X. Ч. 1: Киевская губерния. С. 73]. Температура соответствует 20 и 7,5 градусам по Цельсию.

³ Хотон (у якутов) – хлев, хозяйственная постройка, примыкающая к дому (юрте), под одной с ним крышей [13. Оп. 1. Д. 2732. Л. 97 об.].

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее – НА РС (Я)). Ф. И-15.
2. Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 130–150.

3. Терехова С.А. К вопросу об истоках «Чигиринского заговора»: крестьянское движение в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4. С. 94–99.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 109. 3-я экспедиция.
5. Мауль В.Я. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология // *Quaestio Rossica*. 2017. № 1. С. 221–240.
6. ГА РФ. Ф. 112.
7. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М. : Мысль, 1978. С. 136–137, 170, 171 и др.
8. Терехова С.А. «Чигиринский заговор» в оценках революционной печати 1878-1880-х гг. // Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 4. С. 36–38.
9. Государственный архив Томской области. Ф. 3.
10. Мауль В.Я. Образ монарха в представлениях чигиринских крестьян 1870-х гг. (некоторые аспекты проблемы) // Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства. Рязань : Концепция, 2015. С. 57–59.
11. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО «ГА в г. Тобольске»). Ф. И330. Оп. 1. Д. 84.
12. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И152. Оп. 8. Д. 400.
13. НА РС (Я). Ф. И-12.
14. НА РС (Я). Ф. И-29.
15. Карачевский А.Б. Психотерапия депрессии: миф или реальность? // Вестник ассоциации психиатров Украины. 2013. № 3. С. 26.
16. Вруевич М.С. Юридические обычаи у якутов // Журнал гражданского и уголовного права. 1891. Т. III. С. 1–70.
17. Кротов М.А. Убийство Петра Алексеева (по архивным материалам) // Каторга и ссылка. 1928. № 10 (47). С. 44–61.
18. Мауль В.Я. Ложное эхо «Чигиринского заговора» в судьбе обер-кондуктора Чайковского // Новый исторический вестник. 2014. № 4. С. 114–126.
19. Милевский О.А. «Маленькая личность» на фоне больших чигиринских событий: судьба сельского учителя Ильи Фролова // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 5. С. 553–562.
20. Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. : сб. документов / под. ред. П.А. Зайончковского. М. : Наука, 1968.

Maul Viktor Ya. Tyumen Industrial University (Nizhnevartovsk affiliate) (Nizhnevartovsk, Russia). E-mail: VYMaule@mail.ru
HOW IVAN IVANOVICH QUARRELED WITH EGOR GAVRILOVICH (FROM THE HISTORY OF THE YAKUT POLITICAL EXILE).

Key words: Yakutia; political exile; «Chigirin Plot»; Kiev province; state peasants; the revolutionary populism; Zhuleysky Nasleg; Baturussky Ulus, fight.

This article is written on the basis of a significant set of unpublished sources that are stored in archival funds of the four archives of our country (The State Archive of the Russian Federation (GARF), The State Archive of the Tomsk Region, The State Archive in Tobolsk and The National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia)). In terms of methodology, the article is written in the genre of microhistory, which means not to examine the “little things” but to study the past in details. The aim of the article is to analyze the socio-political, economic and other factors of the country’s life, that caused conflicts between the deportees and the indigenous inhabitants of Yakutia in the first half of the 1880s. It is shown how micro-historical approach can provide a better understanding of macro-historical events of the past centuries through the specific example of the quarrel between the state criminal Ivan Piskovoy and the indigene of Zhuleysky Nasleg (a rural settlement in the Tatta region of Yakutia) Egor Abramov. One episode (it was one of everyday life events at first sight) in the history of the Yakut political exile in the early 1880s is analyzed against the background of the political, social and economic processes in the country. The focus is on the relationship between the political convict Piskovoy and the local resident of Yakutia Abramov. Piskovoy was exiled to Yakutia for participation in the Chyhyryn conspiracy in 1877 among the monarchist state peasants of Kiev province. The plot was prepared on the initiative and with the direct participation of the well-known Russian populists group (Y.V. Stefanovich, L.G. Deitch, I.V. Bokhanovsky), which resorted to mystification on behalf of the Tsar. At the time this conspiracy made a great stir in the ruling circles and caused a lively debate among revolutionaries. They discussed mainly the advisability and the permissibility of using immoral means (forgery, fraud, imposture) by the revolutionaries for involving the peasantry in the struggle against the autocracy. After his arrival at the destination point of his exile, Piskovoy was assigned to live in Zhuleysky Nasleg in Baturussky Ulus within the Yakutsk district and he was billeted on the indigene Abramov’s jur. Forced coexistence within a few months led eventually to a bitter quarrel between them. The reason was the houseowner’s jealousy, who accused the lodger of having an intimate relationship with his wife. The apogee of the conflict was a fierce scuffle followed by mutual complaints of the participants to a higher authority. On the basis of a careful study we draw a conclusion that the objective basis of the fierce conflict between them was the authorities’ unreadiness to change some of the most important aspects of State policy. Social contradictions resulted in particular conflicts between newly arrived and indigenous population of the Yakutsk region in the form of verbal abuse, scuffles, beatings and injuries that have become a fairly commonplace phenomenon in the history of the Yakut banishment. One of such typical conflicts was the quarrel between Piskovoy and Abramov.

REFERENCES

1. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund I-15.
2. Pelevin, Yu.A. (2014) Yuzhnye buntari i “Chigirinskiy zagovor” [Southern rebels and “Chigirin Plot”]. *Rossiyskaya istoriya*. 1. pp. 130–150.
3. Terekhova, S.A. (2013) K voprosu ob istokakh “Chigirinskogo zagovora”: krest'yanskoe dvizhenie v Chigirinskom uezde Kievskoy gubernii v nachale 70-kh gg. XIX v. [On the sources of “Chigirin Plot”: Peasant movement in Chigirinsky Uezd of Kiev Province in the early 1870s]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 4. pp. 94–99.
4. The State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fund 109.
5. Maul, V.Ya. (2017) “Chigirinskiy zagovor” i krest'yanskaya psikhologiya [“Chigirin Plot” and peasant psychology]. *Quaestio Rossica*. 1. pp. 221–240.
6. The State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fund 112.
7. Troitskiy, N.A. (1978) *Bezumsvo khrabrykh. Russkie revolyutsionery i karatel'naya politika tsarizma. 1866–1882 gg.* [Madness of the brave. Russian revolutionaries and the punitive policy of tsarism. 1866–1882]. Moscow: Mysl'. pp. 136–137.

8. Terekhova, S.A. (2015) "Chigirinskiy zagovor" v otsenkakh revolyutsionnoy pechati 1878-1880-kh gg. ["Chigrin Plot" estimated by the revolutionary press of 1878–1880s]. *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya*. 4. pp. 36–38.
9. The State Archives of the Tomsk Region. Fund 3.
10. Maul, V.Ya. (2015) Obraz monarkha v predstavleniyakh chigirinskikh krest'yan 1870-kh gg. (nekotorye aspekty problemy) [The image of the monarch as viewed by Chigirin peasants of the 1870s. (Some aspects of the problem)]. In: Losev, Yu. I. & Erlikhson, I. M. (eds) *Chelovek, obraz, slovo v kontekste istoricheskogo vremeni i prostranstva* [Man, image, word in the context of historical time and space]. Ryazan: Kontseptsiya. pp. 57–59.
11. The State Archives in Tobolsk (GBUTO "GA v g. Tobol'ske"). Fund I330. List 1. File 84.
12. The State Archives in Tobolsk (GBUTO "GA v g. Tobol'ske"). Fund I152. List 8. File 400.
13. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund I-12.
14. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund I-29.
15. Karachevskiy, A.B. (2013) Psikhoterapiya depressii: mif ili real'nost'? [Psychotherapy of depression: Myth or reality?]. *Vestnik assotsiatsii psikhiatrov Ukrainy – Journal of Ukrainian Psychiatrists Association*. 3. pp. 26.
16. Vrutsevich, M.S. (1891) Yuridicheskie obychai u yakutov [Legal customs of the Yakuts]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava*. 3. pp. 1–70.
17. Krotov, M.A. (1928) Ubiystvo Petra Alekseeva (po arkhivnym materialam) [The murder of Peter Alekseev (on archival materials)]. *Katorga i ssylka*. 10(47). pp. 44–61.
18. Maul, V.Ya. (2014) A false echo of the "Chigirin Plot" in the life of senior conductor Chaykovskiy. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 4. pp. 114–126. (In Russian).
19. Milevskiy, O.A. (2016) "Malen'kaya lichnost'" na fone bol'shikh chigirinskikh sobytiy: sud'ba sel'skogo uchitelya Il'i Frolova ["The little personality" against the background of the big Chigirin events: The destiny of the village teacher Ilya Frolov]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 5. pp. 553–562. DOI: 10.7256/2222-1972.2016.5.19082
20. Zayonchkovskiy, P.A. (ed.) (1968) *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1870–1880 gg.* [The Peasant Movement in Russia in the 1870–1880s.]. Moscow: Nauka.